

УДК 37.035
ББК Ч 420.058

ГСНТИ 15.81.57

Код ВАК 19.00.06

Тумалевич Николай Геннадьевич,

старший лаборант, правовая клиника «Ювенальная юстиция», факультет юриспруденции, Уральский государственный педагогический университет; аспирант, Гуманитарный Университет; 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26; e-mail: DROW13@gmail.com

«ГЛУБОКОЕ ПОГРУЖЕНИЕ» РЕБЁНКА В ПРЕСТУПНУЮ СРЕДУ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: формирование правосознания ребёнка; несовершеннолетний; проблемы содержания несовершеннолетних в местах лишения свободы; глубокое погружение как способ изучения языка.

АННОТАЦИЯ. Исследуются негативные факторы, влияющие на криминализацию личности ребёнка при изоляции его от общества за совершение преступления. Рассматривается глубокое погружение в среду, общающуюся на преступном жаргоне. Анализируются педагогические и психологические аспекты данного феномена.

Tumalevich Nikolay Gennadievich,

Senior Laboratory Officer, Law Clinic "Juvenile Justice", Faculty of Jurisprudence, Ural State Pedagogical University, Post-Graduate Student of the Institute of the Humanities.

"DEEP IMMERSION" OF A CHILD INTO CRIMINAL ENVIRONMENT AS AN EFFECTIVE WAY OF CRIMINALIZATION OF A PERSON

KEY WORDS: development of legal consciousness of a child; minor; problems of imprisonment of minors; deep immersion as a way of learning the language.

ABSTRACT. Negative factors which influence criminalization of a person isolated from the society for a crime are studied. Deep immersion in the environment, the members of which communicate by means of criminal jargon, is discussed. Pedagogical and psychological aspects of this phenomenon are analyzed.

*«До совершеннолетия топтался в зоне для малолеток, где волчьи законы соблюдаются со слепым фанатизмом. Если красный цвет запахло – все! Принесли предки в «дачке» помидоры ранней весной – бросай в сортир! Мать пришла на свиданку в красном платье – повернулся, плюнул и обратно в отряд!»
Д. А. Корецкий. «Антикиллер»*

Несколько лет назад при защите выпускной квалификационной работы автор – сотрудник федеральной исполнительной системы – в своей работе обратила внимание на тот факт, что при избрании подростку до суда меры пресечения в виде содержания под стражей и помещения его в камеру следственного изолятора последний в очень короткие сроки меняет стиль поведения, становится агрессивным, у него меняется словарный запас и лексикон. Если ещё в первую неделю с персоналом изолятора или с сотрудниками правоохранительных органов он общается с использованием достаточно «чистой» речи без заимствований из криминального жаргона, то на вторую и третью неделю он в большей мере использует жаргон и не только не хочет, но и не может вернуться в общения к тем речевым терминам и оборотам, которые он использовал до заключения под стражу. Практически он начинает говорить на ранее чуждом и незнакомом ему языке. Автор отметила это как одно из интересных наблюдений, но в своей работе не стала рассматривать причины данного явления.

Занявшись этим вопросом, в раскрытие темы формирования правового сознания ребёнка, мы решили исследовать этот феномен с позиции не только криминологии и психологии, но и с позиции педагогики, а именно – методики преподавания иностранных языков.

Приняв во внимание тот факт, что криминальное аргю (сленг) можно рассматривать как определенный неизвестный для индивида язык, на котором он начинает говорить в течение кратчайшего времени, можно сделать вывод: ребёнок, находящийся под стражей, самостоятельно либо с помощью других лиц изучил ранее неизвестный или малоизвестный ему язык и успешно применяет его в общении с другими лицами, хорошо понимая термины, обороты и значения произносимых им фраз, т. е. можно признать, что имеется достаточно эффективная методика обучения незнакомому языку в кратчайшие сроки.

В настоящее время существуют традиционные и экспериментальные методики обучения иностранным языкам. К традиционным методам относятся так называемый метод молчания, грамматико-переводной,

метод физического реагирования и другие. Из экспериментальных большей известностью пользуются методы глубоко погружения, «метод Шехтера» и другие (4). Вызывает сомнение, что для обучения воровскому жаргону ребёнок использовал грамматико-переводной и другие традиционные методы обучения языку. Поэтому, следуя методу исключения, можно прийти к выводу о том, что в данном случае использовались экспериментальные методы и ближайшим к ним можно признать метод изучения иностранного языка способом глубокого погружения в иноязычную среду.

Метод глубокого погружения (здесь речь идет о так называемых immersion programs – «программах погружения» в языковую среду – и билингвизме (2)) можно поместить посередине, между традиционными и экспериментальными, так как он себя отлично зарекомендовал в традиционных методиках обучения, а также активно используется в экспериментальных методиках.

В чём же заключается эта технология? Основная задача – помещение индивида в такие условия, когда он будет вынужден общаться исключительно на незнакомом ему языке. Наиболее распространённый способ – это организация занятий в стране изучаемого языка. Если такой возможности нет, то преподаватель может запретить общение на родном языке на уроках при наличии какой-либо заранее обговорённой санкции за нарушение. А в некоторых случаях для этого лучше использовать преподавателя, который не владеет языком обучающегося. В данном случае может быть два результата – либо преподаватель заговорит на языке ученика, либо ученик заговорит на языке преподавателя. Не исключено, что преподаватель и ученики создадут третий смешанный язык, который будут понимать обе стороны. Всё зависит от личности лидера в данной группе и количества носителей языка. Поэтому помещение ребёнка в изолированную от общества среду с небольшой группой моноязычных членов, где все члены группы общаются на незнакомом или малознакомом вновь помещенному ребёнку языке, непонимание которого влечёт жестокие санкции, автоматически включает механизм изучения языка методом глубокого погружения. Так как несовершеннолетний помещается в среду, живущую по принципам криминальной субкультуры, и сам желает следовать этим принципам, то он вынужден подстраиваться под внешние факторы. Криминальная субкультура – это образ жизнедеятельности лиц, в данном случае несовершеннолетних, объединившихся в

криминальные группы и придерживающихся определенных законов и традиций. Молодые заключенные, не вставшие на путь исправления и ортодоксально следующие тюремным традициям, неистово требуют исполнения этих традиций от других несовершеннолетних, находящихся с ними. При этом требования всегда сопровождаются жестоким психологическим насилием, угрозами вплоть до физической расправы, полового насилия и смерти.

Для асоциальной субкультуры несовершеннолетних характерны жестокость и обман, безжалостность и вымогательство, паразитизм и вандализм. Причем зачастую это маскируется как справедливость, верность товариществу, долг перед «своими». Для криминальных групп характерна обязательность ее членов соблюдения всех неформальных норм и правил; те же, кто их игнорирует, как правило, подвергаются довольно жестким, а порой и жестоким наказаниям (1).

В криминологии дается список признаков криминальной субкультуры, из них можно выделить следующие: жесткая групповая иерархия (стратификация) – своеобразный табель о рангах (причем наиболее ярко это проявляется в закрытых молодежных коллективах); обязательность следования установленным нормам и правилам и в то же время наличие системы отдельных исключений для лиц, занимающих высшие ступени в преступной иерархии; распространенность тюремной лирики; факты вымогательства (денег, продуктов питания, одежды и др.); использование в речи уголовного жаргона (арго); нанесение татуировок; значительная распространенность фактов как насильственного, так и добровольного гомосексуализма (причем занятие этим в активной форме не считается чем-то постыдным, тогда как пассивный партнер всегда находится на самом низу иерархической лестницы со всеми вытекающими отсюда ограничениями, притеснениями, издевательствами, презрением и т. д.), физическая и психологическая изоляция представителей низшей ступени иерархической лестницы в сообщества (обиженных, опущенных); наличие кличек; наличие так называемой прописки (5).

Каждый согласится с тем, что все эти признаки присутствуют в поведении несовершеннолетних, находящихся в следственных изоляторах до вынесения им приговора, а также среди осужденных несовершеннолетних, находящихся в воспитательных колониях.

Прибывший новичок тщательно изучается своим новым окружением, находящимся в камере и сплоченном в одну груп-

пу со своими криминальными традициями. Поэтому внимательно выясняются подробности уголовного дела, его поведения на свободе, обстоятельства совершенного преступления, его поведения в ходе следствия, в том числе возможное сотрудничество новичка с правоохранительными органами и т. д. Кроме того, выявляются черты характера новичка, его коммуникабельность, интеллектуальный уровень и место в преступной иерархической системе на свободе, членство в молодежных бандах, знакомство с преступниками, находящимися на воле, либо в местах лишения свободы. Учитывая то обстоятельство, что количество воспитательных колоний ограничено, как в следственном изоляторе, так и в колонии правдивость слов новичка проверяется моментально. Цель этого «комплексного» изучения – выявить компрометирующие новичка сведения. Исходя из этого уже определяется его статус, а соответственно, и его права, обязанности и место в данном социуме (6).

Учитывая подростковый максимализм и объективно присущую этому возрасту жестокость, эта проверка зачастую носит характер довольно злой забавы, иногда весьма опасной для здоровья подростка как в физическом, так и в психическом плане и может привести к роковым для несовершеннолетнего последствиям. В связи с чем несовершеннолетний, опасаясь за своё здоровье и жизнь, вынужден принять те правила поведения, которые ему навязывают, в том числе и говорить на языке исключительно этого социума. А жизнь по воровским традициям, разговор на сленге и отказ от социализации, необходимой для правомерного поведения в будущем влечёт за собой только одно – общество теряет ещё одного человека после его нахождения в таких условиях.

Общество не может отказаться от изоляции своих членов, в том числе и несовершеннолетних, совершивших преступление, но государство может изменить механизм и условия нахождения несовершеннолетних в местах лишения свободы. Для этой цели целесообразно разработать комплекс мер правового и психолого-педагогического воздействия, ограничивающего влияние криминального социума на отбывающего наказание несовершеннолетнего. Как одно из небольших предложений огромной программы ресоциализации ребёнка, совершившего преступление

и находящегося под стражей, можно предложить вариант сокращения количества членов группы общения. Психологи считают, что оптимальное количество членов группы для постоянного общения не должно превышать четырёх человек, так как в такой группе лидер проявляется по другим правилам, чем преступный лидер в агрессивной «стае».

Давно установлено, что лидером является такой член малой группы, который выдвигается в результате взаимодействия членов группы для организации группы при решении конкретной задачи. Он демонстрирует более высокий, чем другие члены группы, уровень активности, участия, влияния на решение данной задачи. Таким образом, лидер выдвигается в конкретной ситуации, принимая на себя определенные функции. Остальные члены группы принимают лидерство, т. е. строят с лидером такие отношения, которые предполагают, что он будет вести, а они будут ведомыми, но так как в данной группе есть единство, они в любой момент при злоупотреблении лидером своими полномочиями могут отказаться от его лидерства, так как не он навязал им своё исключительное положение, а они делегировали ему эти полномочия (3).

То есть в следственных изоляторах целесообразно несовершеннолетних содержать в помещениях по четверо в одной камере – не более. При этом комплектовать группы по одинаковым признакам, разработав для этого «психологический паспорт несовершеннолетнего арестованного», где должна быть не только оценка возраста, количества и тяжести совершенных преступлений, но и его психологический портрет, а также оперативные данные о его статусе в криминальной иерархии. Находясь в малочисленной группе равных по статусу лиц, совершивших преступление, практически невозможно будет занять лидирующее место, основываясь исключительно на «воровских законах», не понизив кого-либо из членов этой группы по «воровской иерархической лестнице», так как такое понижение автоматически повлияет на понижение «статуса» и остальных членов этой группы перед другими «авторитетными» несовершеннолетними преступниками. А совместное помещение лиц, готовых на ресоциализацию, даст гораздо больший эффект, чем их нахождение в большом асоциальном коллективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров Ю. К. Очерки криминальной субкультуры. М. : Права человека, 2001.
2. Билингвизм или языковое погружение? URL: <http://www.study.ru/support/lib/note35.html>
3. Камышев Э. Н., Иванкина Л. И., Коваленко А. В. Психология и педагогика : конспект лекций. Томск : ТПУ, 2008.

4. Коньшева А. В. Современные методы обучения английскому языку. Минск : ТетраСистемс, 2007.
5. Пирожков В. Ф. Законы преступного мира молодежи. Тверь, 1994.
6. Старков О. В. Криминальная субкультура : спецкурс. М. : Wolters Kluwer, 2010.

Статью рекомендует д-р юридич. наук, проф. А. П. Семитко.